Дубинин Ю.В. Удар председательского молотка, прозвучавший на весь мир / Ю.В. Дубинин // «Снова в памяти…» : Выпускники 1954 вспоминают полвека спустя. – М., 2004. – С. 217–234.

Очерк о том, как был одобрен проект Хельсинкского заключительного акта.

УДАР ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОГО МОЛОТКА, ПРОЗВУЧАВШИЙ НА ВЕСЬ МИР

Было время, когда возраст «лет под сорок» казался нам бесконечно далеким жизненным рубежом. Но пролетели голы и десятилетия. К сожалению, кого-то из наших однокашников - светлая им память- больше нет, а видимо всем тем, кто подкрашенный сединой или отмеченный другими приметами путешествия по жизни встречает сегодня полувековой юбилей выпуска 54, уже за семьдесят.

Но это пожалуй делает ещё острее и дороже воспоминания «о старом доме», о годах, которые мы провели там вместе, о значимости того, что мы вынесли из него, о цене дружбы, которая тогда между нами родилась.

Седьмой волной мы влились во все более полноводный поток тех, к профессии кого добавлялось в дипломах звучное и немного таинственное слово «международник». Сегодня время и опыт позволяют приоткрыть завесу загадочности, окружавшей эту характеристику . В самом деле трудно переоценить то, что они, эти питомцы МГИМО, сделали для становления подлинно профессиональной дипломатии нашей страны, для утверждения науки об общении стран и народов, для познания их друг другом и совместных их добрых дел. Их связало вместе не только чувство Родины и умение говорить на одном профессиональном языке, но и такая крепкая человеческая общность, которая независимо от их возраста и положения делало их товарищами в стенах любых учреждений и на любых широтах.

Те, кого судьба привела в Министерство Иностранных дел, были встречены там с острым любопытством. Старожилы окрестили их «молодыми» ,что включало в себя немало оттенков. Начиная от вполне справедливой на первых порах констатации возрастного факта до не лишенного сомнения вопроса: «посмотрим, что из них получится?». А он, добавив к полученным от замечательных профессоров и преподавателей МГИМО знаниям традиции и опыт ветеранов, оказались в числе нужных стране людей, когда наша внешняя политика стала обретать все большую динамичность. И если мир не только обнаружил, но и признал, что в нашей стране родилась дипломатическая школа, не уступающая лучшим дипломатическим школам мира, - в этом есть вклад тех самых выходцев из МГИМО ,за которыми – разве это так уж плохо, - порой до конца жизни сохранился эпитет «молодые».

В этой связи ниже дается зарисовка о работе совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, на котором делегация Советского Союза состояла в большинстве из выпускников МГИМО.

* * *

СОВЕЩАНИЕ началось в июне 1973 года со встречи министров иностранных дел. Собравшись в Хельсинки, они приняли документ под названием «Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки», в обиходе Совещания названный по цвету его обложки Синей книгой. В ней был определен фундаментальный принцип работы Совещания — принцип консенсуса. Было также решено, что Совещание проводится в три этапа. Первый - сама встреча министров в Хельсинки. Второй, в Женеве, — работа

делегаций всех государств-участников над подготовкой проектов заключительных документов Совещания. Наконец, третий, заключительный этап был призван одобрить подготовленные проекты заключительных документов.

Синяя книга содержала своего рода план-задание, которым следовало руководствоваться при составлении проектов заключительных документов на втором этапе Совещания. Была названа и дата начала работы второго этапа — сентябрь 1973 года, в Женеве. Вместе с тем в ней ничего не говорилось ни о месте, ни о времени, ни - и это было, пожалуй, главным - об уровне проведения третьего, заключительного, основного этапа Совещания.

Это было не случайным. Все относящееся к третьему этапу было поставлено в зависимость оттого, что будет наработано на втором, то есть какие по содержанию проекты документов он подготовит. В случае успеха заключительный этап мог состояться при участии высших политических руководителей государств-участников. Стаю быть, работа второго этапа приобретала решающее значение для успеха Совещания.

Я был включен в делегацию СССР на втором этапе Совещания. Ее возглавлял заместитель министра иностранных дел Анатолий Ковалев. Я был заместителем главы делегации. В моем непосредственном ведении находились гуманитарные проблемы — третья комиссия, или, как прочно вошло в терминологию Совещания, пресловутая «Третья корзина».

Работа в Женеве затянулась. Это вызывало беспокойство в Москве, на самом верху. Импульсы оттуда передавались Министерству иностранных дел и затем во все более императивных формах докатывались до нашей делегации в Женеве. То, что отношение Леонида Брежнева к Общеевропейскому совещанию особое, подчеркнуто заинтересованное, было известно. Я имел возможность убедиться в этом лично на известной по многим описаниям даче в Завидове. Там я оказался в связи с подготовкой первого визита Брежнева во Францию осенью 1971 г. Визит был призван стать крупным событием для советской внешней политики. Готовились к нему серьезно и тщательно. В течение всего нашего пребывания в Завидове там был и Брежнев. Помню, что ему не понравился первый вариант европейского раздела материалов к поездке во Францию, написанный изысканной дипломатической вязью округлых фраз и профессиональных терминов. У самого Брежнева формулировок взамен не было. Но он говорил о масштабности и драматизме европейской истории, о Европе как о континенте, где рождались всемирно значимые цивилизации, где возникали и рушились империи, перемешались гигантские людские массы, проносились смерчи насилия и войн. Все это сочеталось у него с воспоминаниями о войне, через которую прошел он сам, и выливалось в повторяемую на разные лады мысль о том, что этой Европе надо наконец дать мир и спокойствие, которые она и выстрадала, и заслужила.

«Вот мы на фронте мечтали, — пояснял он, — о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет поехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду, — все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот так, как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать...» Иными словами, желание сделать что-то большое, масштабное для Европы глубоко укоренилось в сознании этого деятеля, оказавшегося волею судеб во главе такого могущественного государства, как Советский Союз.

По первоначальным нашим наметкам на подготовку документов могло уйти два, ну пусть даже три месяца. Но шел уже июнь 1975 г., а конца-края баталиям нескольких сотен дипломатов, собравшихся в Женеве, нет и не видно.

Работа шла беспрецедентная. Образно говоря, тридцатью пятью (столько государств участвовало в Совещании) ручками сразу писались тексты, которые счита-

лись принятыми лишь тогда, когда никто не возражал даже против последней запятой. Но попробуй объяснить это в Москве, где Леонид Брежнев все чаще задает вопрос «когда же?».

Справедливости ради следует отметить, что работа к тому времени, о котором идет речь, была проделана огромная.

Прежде всего был найден тот баланс интересов между Советским Союзом и странами Восточной Европы, с одной стороны, и странами Запада — с другой, который сообщил мощную силу взаимного тяготения, пружину этого беспрецедентного дипломатического раута, который ни одна из сторон не хотела ни прекращать, ни покидать, несмотря ни на какие сложности или кризисы, будь то в рамках Совещания или вне его. Суть этого баланса сводилась к достаточно простому уравнению. Если Восток стремился утвердить нерушимость границ, как они сложились после войны, то Запад, соглашаясь на это, ставил задачу прошить, пронизать эти границы за счет открытости в движении идей и контактов, транспарентности в военной сфере.

К концу июня была проделана большая часть работы по формулированию принципов взаимоотношений между государствами, раздела, который по праву был призван стать одним из китов Заключительного акта Совещания. Близилась к концу работа по «Третьей корзине», а это был еще один кит решений Совещания.

Но помимо этих главных силовых линий Совещания были и другие, которые имели специальное значение для какой-то группы государств, скажем, Кипра, Греции и Турции в связи с кипрской проблемой или Мальты в силу особенностей ее политики.

К июню 1975 г. удалось в принципиальном плане решить и такой важный для исхода Совещания вопрос, как уровень представительства на третьем, заключительном этапе. Советский Союз с самого начала имел в виду, что финалом Совещания должна стать встреча руководителей участвовавших в нем государств. Наши западные партнеры пустились в затяжные дипломатические маневры, стремясь побольше получить уступок от Советского Союза за согласие с этим его предложением. Такая тактика настолько их увлекла, что стала напоминать азартную игру. Брешь в их рядах удаюсь пробить лишь к концу 1974 г. при содействии тогдашнего президента Франции Валери Жискар д'Эстена. Он раньше всех других западных лидеров увидел, что ставшие к концу 1974 г. достаточно ясными возможные политические итоги Совещания и их значимость для будущего неизмеримо важнее, чем какие-то отдельные уступки со стороны СССР. Жискар д'Эс-тен решил пойти навстречу Советскому Союзу и во время переговоров с Брежневым в Рамбуйе в декабре 1974 г. вопреки мнению своего министра иностранных дел Жака Сованьярга дал согласие на то, чтобы заключительный этап Совещания был проведен на уровне руководителей государств-участников. Вскоре за Жискар д'Эстеном последовал президент США Форд, затем Брандт. Вильсон и другие. Рубеж, определявший уровень проведения третьего этапа Совещания, был пройден.

Теперь загвоздкой стало определение срока завершения Совещания. Еще большее число делегаций, чем в случае с определением уровня третьего этапа, увязывало решение этого вопроса с прогрессом в той или иной интересующей их области. Вместе с тем в Москве исходили из того, что динамизм работы по существу должен сочетаться *с* динамизмом организационного плана. Быстрейшее завершение Совещания становилось все более настоятельным политическим императивом. В конце марта 1975 г. Леонид Брежнев обратился с посланиями к руководителям США, Франции, ФРГ, Англии, Италии с предложением определить в качестве даты завершения Совещания 30 июня. Последовал вежливый отказ. В середине июня Брежнев и правительство СССР вновь обращаются к лидерам государств-участников с письмами, в которых подчеркивается важность скорейшего окончания Совещания.

Активная работа за определение сроков третьего этапа развернулась и на самом Совещании. 27 июня делегация Канады предложила 28 июля в качестве ориентировочной даты начала заключительного этапа. Вокруг всего этого разгорелась напряженная борьба. Это всего лишь некоторые составные части фона, на котором разыгрались две драматические ситуации, тесно увязанные с окончанием второго, женевского этапа Совещания, а значит, и всего Совещания в целом. Одна из этих ситуаций возникла вокруг предложений Мальты по Средиземноморью. Другая — из-за конфликта, связанного с вопросом о представительстве Кипра на третьем этапе Совещания. Но, как говорится, обо всем по порядку.

Где-то в середине сентября 1974 г. делегация Мальты внесла на рассмотрение Совещания серию предложений по вопросам, относящимся к безопасности в Европе. Центральное место в них отводилось налаживанию органического сотрудничества между участниками Совещания и всеми другими государствами Средиземноморья, а также Ирана и государствами Персидского залива. Завершались эти предложения указанием на то, что США и СССР «постепенно выведут свои вооруженные силы из этого района». При этом из доверительных источников стало известно, что документ внесен по прямому указанию премьер-министра Мальты Минтоффа, а делегации Мальты предписано любой ценой, вплоть до блокирования всей работы Совещания, добиваться обсуждения и принятия мальтийского предложения.

В течение многих месяцев предложения Мальты старались «замотать». Но она ждала своего часа. В конце мая 1975 г., когда была почти закончена работа по согласованию документа общего характера по средиземноморским проблемам, Мальта внесла к этому документу свои дополнения, повторявшие основные идеи первоначального предложения. Все это вызвало резко негативную реакцию стран НАТО, в первую очередь США. Их задевало все, но особенно - прямая угроза пребыванию в Средиземном море их Шестого флота.

Обстановка на Совещании осложнилась еще и тем, что для защиты позиции Мальты в Женеву прибыл из Валлетты личный представитель Минтоффа посол Гудвилл. Среди делегаций быстро распространилась молва, что только он один — не делегация Мальты или кто-нибудь иной, а именно посол Гудвилл - располагает прямыми, только ему одному известными указаниями премьер-министра, как вести дела в поднятом Мальтой вопросе. А вел эти дела Гудвилл с предельно твердых, бескомпромиссных позиций. Согласие Мальты на завершение Совещания он ставил в прямую зависимость от отношения к ее предложениям.

В начале июля со стороны мальтийского представителя последовало хлесткое заявление. «Мои власти не определили ни дня, ни месяца, ни года проведения третьего этапа Совещания». В сочетании с правилом консенсуса это означало полный тупик.

В бесплодных поисках компромиссных формулировок, какого-то выхода из положения уходили день за днем. Казалось, что все другие вопросы если не забыты, то отодвинуты на второй план.

Весь интеллектуальный потенциал Совещания был мобилизован на поиски какой-нибудь логичной формулы договоренности. Бесполезно. Для американцев Шестой флот - священная корова. С ними все натовцы. А Мальта — ни шагу в сторону от сути представленных предложений.

Пробовали через столицы обращаться в Министерство иностранных дел Мальты, но там подтвердили: операцию проводят двое, сам Минтофф и посол Гудвилл. Что же до Минтоффа, то он отправился в путешествие на яхте по Средиземному морю и якобы с ним нет никакой связи. Хочешь верь, хочешь нет, но оставался только посол Гудвилл.

В разгар этих перипетий в Женеве должна была состояться встреча Андрея Громыко с

госсекретарем США Генри Киссинджером. Громыко прилетел накануне этой встречи. Доклад министру о положении дел на Совещании был неутешительным. Все на мертвой точке. Что же до предложений насчет того, как можно было бы выйти из положения или хотя бы как ставить вопрос о Совещании на следующий лень в переговорах с Киссиндежром. - то их вообще не последовало. Вместе с тем вопрос о завершении совещания и завершении скорейшем был в тот момент основным для Москвы вообще и для встречи с госсекретарем США в частности.

Поздно вечером Анатолий Ковалев попросил меня зайти к нему и заговорил о мальтийской проблеме Я был, разумеется, в курсе всех ее деталей, хотя непосредственно этот вопрос не вел. С мальтийским послом Гудвиллом познакомился в кулуарах Совещания скорее из любопытства, и, так как мне не приходилось ему ничего доказывать и вообще разговаривать по острому для него вопросу, отношения между нами установились неплохие.

Ковалев был немногословен.

- -Завтра в 10 часов утра Громыко встречается с Киссинджером. Вы знаете Гудвилла. Поезжайте в здание, где проходит Совещание. Пораньше. Может быть, вам удастся с ним повидаться. Поговорите. Если вдруг будет что-нибудь интересное, расскажем министру.

Рано утром разговор с Гудвиллом состоялся.

- Через какие-то 15-20 минут, — сказал я ему, - начнется встреча Громыко и Киссинджера. Совсем рядом, в отеле «Континент Аль». Это уникальный случай. Может быть, последняя возможность для того, чтобы решить интересующую Мальту проблему. Мы готовы помочь этому. Если вы посол, сообщите мне сейчас вашу запасную позицию по спорному вопросу, я обещаю, что через несколько минут она станет предметом обсуждения Громыко и Киссинджера со всеми вытекающими из этого последствиями.
-

Знал ли я, что у Гудвилла имеется запасная позиция? Нет, конечно. Но должна же она была быть! Или, во всяком случае, только при наличии запасной позиции, и запасной позиции разумной был возможен компромисс, без которого в проигрыше остались бы все, в том числе и Мальта.

Напряженно жду реакции Гудвилла. Вдруг вижу: вместо ответа он достает бумажник. Раскрывает. Вынимает тонкую полоску бумаги, напоминающую телеграфную ленту. На ней — несколько от руки выписанных слов.

- Записывайте, — говорит. И диктует короткую формулировку.

Я записываю: «...с целью способствовать миру, сокращению вооруженных сил в этом районе...» Сразу видно — это решение проблемы. Здесь нет ни Ирана, ни стран Персидского залива. Но главное, в этих словах нет требования к США выводить Шестой флот из Средиземного моря!

Но не мое дело втягиваться и разговор, к тому же дорога каждая минута. Я благодарю. Говорю, что надо спешить к месту встречи министра с госсекретарем.

Действительно надо. Стрелка часов подходит к десяти. Вот и отель. Пропуска у меня нет, но удается пробиться через все заслоны. Оказываюсь в зале встречи, когда ее участники рассаживаются за столом. Передаю формулировку Громыко. Министр воспринимает все с таким невозмутимым видом, что невольно мелькает вопрос, не требовалось ли ему дать какие-либо пояснения.

Расселись. Громыко размеренно произносит:

- Предлагаю начать с вопроса об Общеевропейском совещании, вернее с мальтийского вопроса.

Эти слова не вызывают у Генри Киссинджера никакого энтузиазма. С кислой миной он отвечает: «Я не возражаю, конечно, но говорить-то не о чем. На совещании полный тупик. Что же мы будем обсуждать?»

- Есть новое мальтийское предложение — бесстрастно произносит министр.

Киссинджер озадачен. Посерьезнел. Вместо ответа он наклоняется к соседу справа, затем слева. С дальнего конца к нему спешит глава американской делегации на переговорах, еще кто-то из сопровождающих. Шепчутся. Теперь Киссинджер не просто озадачен, но явно смущен.

- О каких новых предложениях вы говорите? — произносит наконец госсекретарь. - У нас ничего нет. Мы даже ничего не слышали.
- Да и мы их получили совсем недавно, — поясняет Громыко.
- Но я надеюсь. — замечает недоверчиво Киссинджер. — что в новой формулировке нет намека на Шестой флот.
- Об этом там ничего не говорится, — отвечает Громыко.

Он предлагает Киссинджеру прервать заседание и поговорить один на один. Оба они уединяются в дальнем конце небольшого зала, где идет встреча. Их беседа совсем непродолжительна. Каких-то несколько минут. Возвращаются к столу довольные. Объявляют: «Мы договорились. Формулировка подходит. Теперь нашим делегациям следует провести ее через своих союзников. Сделать это надо аккуратно. Операция деликатная. Она ни в коем случае не должна сорваться. В то же время ни у кого не должно возникнуть подозрения, что мы действуем в каком-то сговоре».

Остальное с мальтийским кризисом — уже техника.

14 июля была определена дата 30 июля в качестве даты начала третьего этапа Совещания. Однако только в качестве «целевой», предположительной даты! Теперь необходимо было определить и дату окончательную. Заметьте, что было уже 14 июля. Наступил цейтнот, и флажок на отсчитывавших время часах пополз вверх.

Проблем оставалось много. Особенно в военной области. Решено было, что помимо еще работавших комиссий координационный комитет будет заседать ежедневно, проводя помимо дневных и ночные заседания, с тем чтобы не позднее 18 июля определить окончательную дату. Именно в эти дни на поверхность вышла еще одна конфликтная ситуация, на этот раз связанная с Кипром.

Еще в конце марта 1975 г. делегация Турции поставила под сомнение правомочность кипрской делегации представлять Республику Кипр на Совещании. Свою позицию Турция аргументировала тем, что эта делегация представляет не государство Кипр, а только греческую общину. Речь шла о том, что Турция будет возражать против участия архиепископа Макариоса в работе третьего «этапа Совещания, и этот вопрос турки потребовали рассмотреть до окончания женевского этапа.

Делегация Кипра отклонила турецкую позицию. У Кипра к тому же был свой счет к Турции. Глава кипрской делегации Мавроматис говорил, что одобрение решений Совещания со стороны Кипра вместе с Турцией, т.е. участие Кипра в консенсусе вместе с Турцией — страной, которая нарушила в ходе Совещания те принципы, которые Совещанием вырабатываются, — представляет определенную проблему для правительства Кипра и его общественного мнения. Для того чтобы преодолеть эту проблему, считал он, важно было бы, чтобы Совещание отвергло попытки Турции вмешиваться во внутренние дела Кипра. Макариос твердо решил участвовать в работе заключительного этапа лично. Делегация Греции со всей энергией поддерживала Кипр. Совещание оказалось в деликатном положении. С середины июня конфликт превратился в открытый и постоянный. Без жарких схваток по этой проблеме не обходилось ни одно серьезное обсуждение, связанное с окончанием Совещания. Причем каждая из сторон стремилась к принятию

Совещанием решения в ее пользу, но ни одна из попыток сформулировать какое-либо решение не проходила.

Совещание между тем привлекало все большее внимание не только руководства стран, в нем участвовавших, но и все большего числа других стран. В фойе постоянно дежурило множество журналистов в ожидании новостей о его окончании. 18 июля струна, казалось, натянулась до предела, но прошел и день, и ночь этой даты, а конца второго этапа не наступило. Даже терпению репортеров приходил конец

20 июля Анатолий Ковалев получил предписание срочно прибыть в Москву. Вылет был намечен на утро 21 июля.

Весь день 20 июля, как обычно, шла напряженная работа координационного комитета. Вся наша делегация была в зале заседаний. Председательствовал глава делегации Турции. Это обстоятельство имело для нас существенное значение. Дело в том, что в соответствии с правилами процедуры председательство осуществлялось поочередно всеми делегациями в течение одних суток в порядке французского алфавита, причем председательствование переходило к следующей делегации в полночь. Советский Союз следовал в порядке французского алфавита сразу за Турцией, что означало, что в полночь председательское кресло должно было перейти от Турции к нам. Дискуссия в зале шла жаркая, и чем ближе стрелки часов приближались к двенадцати ночи, тем очевиднее становилось, что заседание будет продолжено и за полночь с коротким перерывом для смены председателя.

Ковалев оставался на заседании до полуночного перерыва. Однако затем он решил передохнуть перед дорогой и отправился домой в полной убежденности, что надежды на завершение работы Совещания не было никакой. В связи с его отъездом руководство делегацией, а стало быть, и председательствование на Совещании, было поручено мне.

С самого начала я постарался задать максимально динамичный темп работы. Сама по себе это задача деликатная.

Точным ведением дискуссии председатель может избавить Совещание от процедурных осложнений, в его руках немало средств способствовать деловому тону работы, вовремя способствовать сбросу страстей, если они возникают. Наконец, в его руках право — и это даже больше, чем право: этого ждут от него — предлагать коллегам решения по обсуждаемым вопросам, выводить заседание из трудных ситуаций. Мерило его действий — реакция аудитории. Малейшие недочеты или оплошности в действиях председателя незамедлительно становятся предметом замечаний из зала.

Но в ту ночь с 20 на 21 июля я с удовлетворением отмечаю, что коллеги мои не только не протестуют, но и охотно втягиваются в энергичный ритм. Мы сбрасываем один вопрос, другой, третий - много, в том числе и выбор Белграда в качестве места первой после Совещания встречи представителей государств-участников. Наконец оказываемся лицом к лицу с кипрским вопросом. Время — далеко за полночь. Усталость делегаций очевидна. Но дискуссия вокруг этой проблемы вспыхивает с той же силой, как десять, двадцать, множество раз до этого.

Представитель Турции... Представитель Кипра... Представитель Греции.представители НАТО и Варшавсеого договора. Кто-то еще. Не может, не должно быть даже попыток приостановить эту столь обычную перепалку. Любая такая попытка председателя вызовет удар по нему со стороны той делегации, которая сочтет себя ущемленной. Я ограничиваюсь стандартными фразами: «слово предоставляется уважаемому представителю...», «благодарю уважаемого представителя...» и т.д. В то же время у меня нарастает напряжение: рано или поздно все желающие выговорятся. Воцарится молчание. У всех в который раз встанет вопрос: «А как же быть? Где развязка? Где выход из тупика, блокирующего окончание работы?»

Скорее всего, в той тишине, которая последует за схваткой, взоры всех устремятся на председателя, ожидая, что может быть, избавление придет от него. Но у меня нет никаких заготовок. И не потому, что еще какие-то три-четыре часа назад я и не помышлял, что окажусь на председательском кресле перед таким испытанием. Ничего не заготовлено потому, что ни наша делегация, никто другой не придумали ничего, дающего выход. Я жадно вслушиваюсь в перебранку делегатов в расчете уловить хоть какой-то новый поворот мысли, какой-то сигнал, ухватившись за который можно было бы составить какой-нибудь текст, способный получить консенсус. Но ничего подобного из зала не доносится. Известные, непримиримые позиции. Все тот же набор аргументов. Ситуация, которая рискует через какое-то количество минут превратиться в стандартный эпилог: «Никакого решения не найдено, вопрос остается в повестке дня, следующее заседание состоится...» И тогда опять конца совещания не видно. Печально. С этим не хочется мириться...

И вот наступает тишина. Оглядываю зал. Никто больше не просит слова. Предложений тоже нет. Объявить перерыв? Скажем, минут на тридцать. Но на часах начало четвертого утра. Делать такое предложение в таких условиях было бы обоснованно только тогда, когда есть надежда, что перерыв что-то принесет. Но откуда она, Эта надежда? Нет, лучше постараться разрубить узел с ходу. Путь даже необычным способом.

Пододвигаю микрофон. Говорю:

- Уважаемые коллеги. Все вы слышали все, что здесь только что было сказано. Фактически эти слова «все вы слышали все, что здесь только что было сказано» и были» были первой, констатирующей частью проекта решения,. устного, очень необычного, но решения.

Пауза. Кто же с этим не согласится? Продолжаю.

- Предлагаю перейти к следующему пункту повестки дня. Это и было само решение.

. Фраза обычная. Она означает, что рассмотрение вопроса, в данном случае киприотского вопроса, на нашем Совещании завершена

Председательский молоток уже занесен на виду у всех. Я опускаю его через несколько секунд, необходимых для того, чтобы мои слова были переведены синхронными переводчиками на остальные пять рабочих языков Совещания.

Полная тишина в зале сменяется нарастающим шумом. Застывшие было делегаты приходят в движение.

Я еще в напряжении. Нет ли поднятой руки с протестом против такого решения, вернее, против такой развязки остро конфликтной ситуации, не оспаривает ли кто, что консенсус был?

Но нет, я вижу по лицам, что это гул удовлетворения. Это дает мне право предложить перейти к следующему пункту повестки дня — предпоследнему пункту: одобрение проекта, заключительного акта Общеевропейского совещания со всеми самыми последними к нему дополнениями.

Этот документ — теперь его знает весь мир — только накануне сведенный вчерне воедино в толстый, многостраничный кирпич в мягкой обложке, принесен представителем исполнительного секретариата. Я показываю многим десяткам дипломатов, сидящим в зале, плод их многолетнего труда, результат усилий министерств иностранных дел, правительств, руководителей 35 стран Европы и Северной Америки, усилий народов этих стран. Его обложка зеленого цвета — это зеленый свет третьему этапу.

«Нет ли возражений против принятия нами этого проекта и представления его на утверждение на высшем уровне в Хельсинки?»

Одобрительные голоса. Удар молотка! Очень сильный! Как выдержала ручка?! Второй этап Общеевропейского совещания завершен. На пути в Хельсинки больше нет никаких препятствий. Последний пункт нашей повестки дня я предлагаю снять. Он предполагал торжественную церемонию закрытия второго этапа Совещания. Для чего она, эта церемония? Торжество будет в столице Финляндии, в Европе и больше чем в Европе. Все соглашаются со мной.

Выходим из зала заседаний в фойе. То самое, где в течение стольких дней и ночей нас поджидали многочисленные журналисты. Там пусто. Совсем разуверились. Потеряли надежду. Даже самые стойкие и прозорливые не думали, что эта ночь может стать последней в столь длительном и изнурительном дипломатическом состязании.

Но нет. Вот кто-то появляется из дальнего конца фойе. Протирая глаза, приближается ко мне.

- Ну, как. Юрий Владимирович, когда следующее заседание?

Это наш! Женевский корреспондент агентства ТАСС. Самый упорный в мире! Какой молодец!

Все кончилось, — отвечаю. — Теперь надо ехать в Хельсинки.

Не верит, уточняет:

- И об этом можно сообщить?
- Конечно же, сообщайте. Я еду писать телеграмму в Москву.

Журналист исчезает. Итак. Телеграфное агентство нашей страны оказалось не только первым, но и единственным обладателем информации, которая интересовала весь мир. В этой связи мне рассказали позже следующее. Мы уже знаем: в Москве вестей из Женевы ждали с нетерпением. Высшее руководство. Поэтому, как только тассовское сообщение поступило в столицу, его немедленно доложили руководителю ТАСС с вопросом, как им распорядиться. Это означало, прежде всего — как доложить Брежневу ну и, конечно, передавать ли на весь мир. Последовал - вопрос: что сообщают другие агентства? Проверяли. Оказалось, ничего. Так что же только сообщение ТАСС? Да, только это. Случай показался столь необычным, что последовало указание: проверить в МИДе правильность информации. Действовать только после этого. Но это к слову. Женевский корреспондент ТАСС был награжден орденом.

Хельсинкский заключительный акт обогнал свое время.Он оказался эффективным средством демократизации международных отношений, глубоких преобразований в государствах- участниках Совещания. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе стало Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. Действуя в рамках Устава ООН. эта организация призвана помочь решению многочисленных проблем XXI века.

Ю.Дубинин